

«Я из повиновения вышел»

Можно ли жить по совести, когда само устройство общества бессовестно?

Когда б такое ни было, а вопрос серьезен *И по сей* день, потому что он не риторический, потому что на него есть сразу два правильных, однозначных ответа: «Можно» и «Нельзя». Все зависит от того, кто и что в жизни выбирает.

Чаще всего большинство из нас молчаливо соглашалось — нет, нельзя. «А что мы могли поделать тогда, когда сами знаете, что творилось.» Это логика молчаливого большинства, достойная, впрочем, понимания: возможно ли требовать от каждого бунтарства, подвига самопожертвования?..

И мы могли бы еще долго следовать этой логике. И тихо жить с покорным мироощущением, оправдываясь тем, что в пресловутые застойные годы «никто поделаться ничего не смог», если бы однажды нам не сказали: «Нет, смог один».

Разные люди свидетельствуют: Высокский любил эту песню по-особому и чаще других исполнял ее в концертах, песню «О том, который не стрелял». Если вы помните, там об армейском разведчике, который добыл, да не донес до своих «языка», чем и навлек на себя подозрения «особиста» Суэтина. Этот славный молодец в конце концов подвел разведчика под расстрел, накопав на него кучу компромата. И вот новоиспеченный враг народа стоит где-нибудь на опушке леса, перед ним взвод его товарищей, с винтовками, нацеленными в грудь, и всем известно, что ни

в чем он не виноват. Но приказ есть приказ, и ничего поделаться нельзя. Нельзя?! У Высоцкого об этом так:

«Никто поделаться ничего
не смог.
Нет. Смог... один, который
не стрелял».
А что он смог? Что сумел
изменить?
«...Но слышу: «Жив,
зараза!

Ташите в медсанбат!
Расстреливать два раза
Уставы не велят».
Жив остался несправедливо приговоренный к смерти парень. Вот что он *смог, тот,* который отказался стрелять, когда взводу скомандовали: «Пли!»

Песня написана в 73-м году. Вы помните то время, читатель.. Песня о войне, да о войне ли? Скорей она о тех из нас, кто тогда полагал, что ничего нельзя поделаться, кто привычно разводил руками: «А Что я могу?» Высоцкий убеждал: ты можешь хотя бы не стрелять, не участвовать, не злословить о тех, кто открыто говорит правду.

«Но был один...» Теперь-то мы знаем, конечно: был не один. Людей, своей индивидуальной совестью противостоявших коллективной бессовестности, было все-таки больше. Но тогда, в 73-м, мало кто знал о них. Тогда для большинства в стране «был один, который не стрелял» — Владимир Высоцкий.

Сказано: «поэт в России больше чем поэт». То, что Высоцкий поэт, — несомненно. Но для меня несомненно и другое: это не Все и даже не главное о

нем. Главное же, на мой взгляд, в том, что он и был как раз тем самым «больше чем поэтом» для многих любивших и не любивших его. Для этого ему и дано было больше — бесстрашия, независимости, свободы, впервые услышав, я толком еще не понимал, почему так обжигала его «Охота на волков»? А он еще тогда, в 68-м, почуял главное:
Не на равных играют

с волками
Егеря, но не дрогнет рука!
Оградив нам свободу
флажками,
Бьют уверенно, наверняка.
Волк не может нарушить
традиций
Видно, в детстве, слепые
щенки,
Мы, волчата, сосали
волчицу
И всосали — «Нельзя
за флажки!»

Помню, как «Охоте на волков» приписывалась чисто экологическая острота: дескать, ну как жестоки егеря, да и охотники — звери, не люди. Песня-то была о другом, не про волков, про нас с вами. Это мы, окруженные идеологическими флажками, оказались просто затравленным стадом в умелых руках «егерей». Это в наших социальных генах значилось: за флажки — нельзя! Почему нельзя, никто не знал. Нельзя, и все, страшно! Ох, как нужен был тогда кто-нибудь, кому пришла бы в голову эта нормальная мысль: «А что, если за флажки?..»

Я из повиновения вышел.
За флажки — жажда жизни
сильней!

Только сзади я радостно
слышал
Удивленные крики людей.

...А за флажками оказалась свобода, и «егеря» были уже бессильны, безвластны и оттого НИЖОЖНЫ. Что они могут, «егеря», когда ты по-настоящему свободен! Но шагнуть за флажки первым не просто и не каждому дано. Надо суметь победить, переломить в себе многое, вскормленное десятилетиями. Надо, чтобы для тебя свобода, правда и поступок по совести были важнее всего, может быть, даже важнее жизни, тогда появляется бесстрашие.

Он был бесстрашен, потому что знал — поступает справедливо. Оттого защищал слабых, оттого шел «за флажки». Понимал ли он, как это нужно было другим тогда — чтоб хоть кто-нибудь шагнул первым? Шагнул и сказал остальным: «Не бойтесь, это не больно, вы же видите, я жив!» Думаю, понимал, более того, сознавал это как миссию, доверенную ему людьми.

Узнай, а есть предел там,
на краю Земли?
И можно ли раздвинуть
горизонты?

Он был бесстрашен, многих сумел вылечить от трусости, его песни лечат от страха и по сей день. Он и сегодня зовет за собой, «за флажки», на свободу из-под стволов «егерей». Увы, и сегодня это под силу не многим. А что же остается остальным? Хотя бы «не стрелять» в тех, кто нашел в себе силы шагнуть за очередной порог догм и вранья. «Не стрелять» — это тоже поступок.

Ю. ЛЕПСКИЙ.